

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Ж41

Художник

Валерий Калныньш

Жвалевский, А. В., Пастернак, Е. Б.

Ж41 Как кошка с собакой : повести / Андрей Валентинович Жвалевский, Евгения Борисовна Пастернак. — М. : Время, 2019. — 288 с. — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-1793-8

В книгу вошли две повести Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак. «Как кошка с собакой» — рассказ о самой невозможной любви, любви кошки и собаки. Больше того, домашней изнеженной кошечки и дворового пса со странностями. Хорошо, что есть люди, которые могут решить все проблемы влюбленных зверей. Плохо, что люди не сразу понимают, чего от них хотят, и сопротивляются собственному счастью.

«Про моркoff/on» — правдивая, хоть и фантастическая история. О выборе, о «правильном» семейном счастье, о женщине, которая это счастье куёт на головах своих мужчин.

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN: 978-5-9691-1793-8

© Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б., 2019
© «Время», 2019

Как кошка
с собакой

ЧАСТЬ 1

ПЕС

День получился отличный!

Как начался отлично, так до конца и шел! Бывают такие дни...

Сначала Вожак привел нас к новой помойке. Уже за два двора пахло там многообещающе: слегка тухлым мясом, отличными костями, рыбой (правда, совсем не свежей), еще целым букетом. У нас классный Вожак! Он совсем не старый, всего на пару пометов старше меня. Не так чтобы очень сильный — в нашей стае есть и посильнее. Нос у него неплохой, но у меня куда чувствительнее! У меня, правда, вообще нос уникальный, это все признают, даже кличку мне дали — Нос. Но ведь у Вожака нос не то что невыдающийся — так, средненький нос, между нами говоря. А Вожак все-таки он, а не я.

Наверное, потому, что Вожак умеет находить вот такие помойки. И не просто находить, а появляться там вовремя. Кошаку понятно, что такое шикарное место, как сегодняшняя

помойка, бесхозным не будет. Оно и не было — на подходах метки стоят на каждом столбе. Но пришли мы все-таки вовремя. Стая там была примерно нам по силам. Чуть-чуть слабее. На кончик кошачьего хвоста слабее. Как это угадал Вожак? Кот его знает. На то он и вожак. А мне, видно, никогда в вожаки не выбиться...

Ну, неважно. Прибежали мы, там нас, понятно, местная стая ждет, заранее клыки скалит. Мы тоже на ходу разворачиваемся в боевой порядок. Все по науке: вожак на вожака, заплечные на заплечных, сямки на сявок. А меня мой нос замечательный уже до исступления довел. Ароматы такие, что я рычать не могу, слюной захлебываюсь. Соперник мне попался мощный. Коротконогий, морда как у нашего Кирпича — плоская, злая. И челюсти как у Кирпича — такой в глотку вцепится, не отпустит. Только в тот момент чихать мне было на эти челюсти, я жрать хотел и вообще прилив ярости необычайной ощущал. Вот так стоим, зубы друг другу показываем, тесним их — но не слишком, чуть-чуть. И тут вдруг в букете запахов моего соперника чувствую страх! Слабенький, едва слышный, если бы не мой чудесный нос, ни в жизни бы не почувял. Но уж как почувял, то словно волк в меня вселился! Я заорал что-то неразборчивое, разом всю слюну на чужого выплюнул, пасть раскрыл, чтобы мои резцы видать стало (а у меня резцы будь здоров!), и прямо на врага попер!

Он от неожиданности назад подался. И наш Вожак краем глаза, а может, своим нижним чутьем это заметил и тоже вперед подался. И вся наша стая за ним!

Дрогнули они. Любой бы дрогнул — такие мы в ту минуту грозные были. Я, во всяком случае, чувствовал себя таким страшным, что пошел бы на любого человека с палкой. Честное слово! Так что ничего чужой стае не оставалось, только хвосты поджать да прочь убираться. Правда, их вожак молодцом дер-

жался, на спину не валился, не скулил, только пятился и зубами щелкал налево и направо. Его заплечные уже не за плечами стояли, а за хвостом, и страхом от них разило так, что в нашей стае последняя сямка чуяла и в ярость приходила. А у меня вообще башку оторвало. Я уже был готов на их вожака прыгнуть и целиком заглотить. Меня наш Вожак остановил.

— Куда? — рявкнул. — Видишь, стая уже уходит?

И стая ушла. Я тогда даже обиделся на Вожака, почему он меня не пустил? Да я бы один всех угрыз! Но потом поел, успокоился и понял — прав Вожак. Один я, понятно, никого не угрыз бы. Пришлось бы устраивать большую свару. Допустим, мы бы оказались сильнее. Допустим, перекусали бы чужих. Но ведь и нас бы тоже повредили! У них бойцы были, и не один, не два. И вот лежали бы мы усталые, раны зализывали — а тут третья стая! Они нас хвостами с лакомой помойки выпихали бы!

Все-таки гениальный у нас Вожак!

Я это все понял, но успокоиться никак не мог. Уже и поели мы от пуза, уже территорию обежали, заново переметили, уже спать побрели в любимый подземный переход — а у меня всё плечи дрожат. Знаете, бывает такая хорошая дрожь, боевая, когда мышцы сами под кожей перекатываются, зубы произвольно щелкают и вообще тянет кому-нибудь в горло вцепиться? Вот у меня так случилось. Я даже полез на нашего Кирпича, устроил привычную свару по поводу места за правым плечом Вожака. Кирпич уже давно в заплечных ходит, но, по-моему, зря. Мое это место!

Обычно все заканчивалось двумя-тремя рыками, после чего я убирался на свое привычное место слева от Кирпича, но тут я вдруг подумал: «В конце концов, кто сегодня себя героем проявил? Кто первым врага подвинул?» А как вспомнил подробности стычки, так вообще в раж вошел. Ведь если я вражеского Кирпича победил, то и своего подвинул! И подвинул!

Кирпич недоволен был жутко, скалился, нутряно рычал, но все-таки пустил меня за правое плечо Вожака.

Отличный день!

А Вожек — умница все-таки! — покосился на меня, проурчал что-то одобрительно и вдруг говорит:

— Нос, ты не слишком устал?

Устал! Да я сейчас был готов два раза вокруг города обежать без единой остановки!

— Тогда будь другом, Нос, сбегай по периметру.

— Легко! — ответил я.

И побежал по периметру — легко, как и обещал.

Стая улеглась на заслуженный отдых. Место за правым плечом Вожака никто не занял.

КОШКА

Во-о-от, во-о-от, мурррр, мурррр, и за ушком еще почешу... мрррршмяк!

Куда пошла? Нет, это возмутительно! Подумаешь, телефон зазвонил, неужели это повод скидывать с колен меня? Только я пригрелась! Ладно, я все запоминаю, попробуешь ты меня еще раз колбасой покормить...

Дыша праведным гневом, я отправилась к миске и принялась остервенело закапывать то, что там лежало.

— Шкряб, шкряб, шкряб...

Вот глухая тетеря, не слышит. Ладно, попробуем по стенке:

— Шкряб, шкряб!

О! Бежит!

Я уселась рядом с миской с видом неделю голодающего создания.

— Каська, ты жрать хочешь?

Не, ну какая наглость! Что значит «Каська»? Что значит «жрать»? Почему не «госпожа Кассандра, не изволите ли откушать»? Что за манеры у этих людей! Совсем от лап отбились, забыли, кто в доме хозяин...

Я повернулась попой к хозяйке и продолжила демонстративное закапывание:

— Шкряб...

— Каська, имей совесть, это свежая рыба!

— Шкряб...

— Каська!!! Прекрати! Как ножом по стеклу. Я из-за тебя ничего не слышу.

— Шкряб...

— Бум!

— Мяв!

Вот так ты значит... Тапком, да? Вот просто, банально, как во всяких ужастиках показывают. Родную кошку тапком...

Это что это тут на стуле лежит? Юбочка черная, выглаженная... Очень хорошо! Щас мы ее на пол штынем... Што-то не штыгивается... шлеп! Уф! Ну свитерок — тоже хорошо. Пока Ольга болтает по телефону, я как раз успею на нем вздремнуть, пусть потом как хочет, так и отчищает.

С одной стороны, я конечно, вредничаю. Но с другой, Ольга последнее время совсем обнаглела. Приходит поздно, и я должна сидеть и ждать ее, не могу же я лечь спать одна! Шляется неизвестно где, вещи сигаретами пропахли.

А радовались все! А крику-то было: поступила, поступила... Ну поступила, и что? Раньше придет из школы и сидит — уроки делает. Хорошо сидит, долго. Можно и на

колени залезть, и под лампочкой на книжках поспать. А сейчас никакой учебы — все бегаёт, бегаёт. А я все одна да одна, даже муркнуть днем некому.

ПЕС

Я бежал легко, упруго и впитывал запахи дворов.

Пахло весной: талым снегом, теплой грязью, птицами, лужами и ручьями. Люди пооткрывали окна и форточки, и во дворы вываливался тяжелый человеческий запах, ароматы которого я мог различить, но не умел назвать. Было там и что-то от помойки, сытное и приятное. Но большей частью пахло чем-то неестественным, резким, от чего все время тянуло чихать. И еще пахло раздражением, усталостью и злостью.

Я бежал по маршруту, который был сто раз пройден — и в одиночку, и со стаей. Удивлялся прозорливости Вожака. Останься я сейчас в уютном подземном переходе — и нарушил бы весь уют, стал бы от неуспокоенности души дергаться, рычать, сцепился бы с кем-нибудь без толку. Чего мне уже ссориться? Я заплечный, закрываю правый бок Вожака — но ведь сцепился бы, наверняка бы сцепился. А так бегу себе и не просто энергию свою в бег перемалываю, а полезным делом занимаюсь, периметр проверяю.

Я и раньше часто по периметру бежал. Мое уникальное чутье помогает найти следы вражеских разведчиков, даже если те пробежали по другой стороне улицы. И сейчас я заметил следы нескольких соседских патрульных, на всякий случай обновил пару меток — пусть знают, что мы никуда не ушли, хотя и расширили свою территорию.

В дальнем дворе я, как обычно, поколебался секунду и, как обычно, свернул на ничейные земли. Интересно, Вожак знает,

что я частенько бываю на ничейных землях? Кот его поймет, наверное, знает. Но ни разу не обмолвился.

Я нырнул в знакомый подвал, запоздало вспомнил, что забыл прихватить чего-нибудь вкусенького, и через узкий лаз забрался в большую теплую нору.

Мама встретила меня уютным ворчанием. Она по-прежнему пахла мамой: молоком, теплым животом, пушистым подшерстком... а еще проплешинами, подсыхающей задней лапой, какими-то лишаями и вообще старостью.

— Привет, Носик, — сказала она и закашлялась. — Как ты?

Нос у нее мой, чуткий и безошибочный до сих пор. Вернее, у меня ее нос, он мне по наследству достался.

— Отлично! — ответил я. — Я сегодня Кирпича отодвинул!

— Кирпича? Это такой... бультерьер, да?

Нос у мамы не стареет, а вот память уже не та. Всякие породы она еще помнит, а вот кто из ее детей какое место в своей стае занимает — уже нет. Я терпеливо растолковал, что к чему. Мама слушала и одобрительно покашливала.

— Молодец, Носик, — сказала она, — я тобой горжусь. Отец бы тобой тоже гордился.

Я внутренне взвыл, как волк в полнолуние. Сейчас должен был начаться бесконечный старческий разговор о моем отце — неописуемом красавце, ради которого мама оставила уютный дом, где ее кормили, души в ней не чаяли, и гав-гав-гав, и гав-гав-гав в том же духе. Я отца ни разу в жизни не видел и теплых чувств к нему не испытывал. От мамы мне достался чудесный нос, а от папочки что? Повышенная лохматость, от которой в жару хочется утопиться в ближайшем фонтане? Невзрачная внешность? Повышенная возбудимость?

Словом, не хотелось мне выслушивать обычную порцию воспоминаний, и я перебил:

— Извини, мама, я поесть не принес!

— Ничего, — сказала мама, — мне теперь много не надо. И Лохматая постоянно таскает.

Лохматая из одного со мной помета. Она бедовая и шальная, любит гоняться за машинами и вообще мне всегда нравилась. И еще она до сих пор заботится о матери. Своих щенков у нее нет — неудачно упала в юности — вот она за мамой и ухаживает, как за всеми своими неродившимися щенятами.

Мы поболтали о Лохматой, о других маминых детях (их было несколько десятков, если не сотня, я и не пытался запомнить всех), потом я извинился, объяснил, что на дежурстве, и полез наружу.

— Какой ты у меня красавец, — сказала мама мне в спину, — вот бы отец тебя увидел!

Я только сильнее заработал лапами.

Потом я бежал по периметру и все думал о маме. Она ведь действительно была когда-то домашней, каждый день ее кормили отборным мясом и вычесывали. Когда она болела, ее лечили и ухаживали за ней. И никаких блох!

Я сел и принялся ожесточенно выкусываться. Вообще блохи у меня тихие, но сегодня, видимо, напилась моей возбужденной крови и сами пришли в возбуждение.

А у мамы тогда блох не было. Вообще. Зато у нее была кошка. То есть у хозяина, конечно. И не кошка, а кот, но все равно неприятно. Кот был противный и вредный, но мама на него почему-то не сердилась. Одну историю она каждый раз рассказывала с неизменным смехом. Когда маму выводили гулять, хитрый котяра забирался на ее подстилку и метил ее своим поганым запахом. Мама терпела-терпела, но однажды застала его с поличным и поступила мудро: зажала кота между лапами и сама его пометила. Обильно так, с головы до хвоста.

Я бы так не смог. Я перестал выкусываться и грустно осмотрел себя. Мама была красавицей, высокой, мощной, раза в три

крупнее меня. А я... В папочку, что ли? Я в который уже раз попытался разрешить умозрительную проблему: если папа был такой мелкий, как он на маму-то забрался? Запрыгнул, что ли? Или с кочки какой-нибудь? Я снова ничего не придумал и вернулся мыслями к истории с котом, а заодно продолжил патрулирование.

А что бы я сделал? На клочки порвал бы? Вряд ли. Я к котам равнодушно отношусь, это у меня тоже мамино. Они со своим котярой потом мирно жили, он даже — позор какой! — спал прямо на мамином теплом боку. Мама меня научила немного кошачьему языку тела. Он дикий, понять его невозможно, но запомнить — вполне. Например, если кот падает на спину, это вовсе не означает, что он сдается на милость победителя или играет. То есть, может, и играет, конечно, но не обязательно. Возможно, он к атаке готовится. Или хочет, чтобы хозяин почесал его поганый живот. Или просто спать завалился. Но уж никак не сдается.

Или хвост. Это самое странное и сложное. У нормальной собаки виляющий хвост — это «привет, я рад тебя видеть! Давно тебя не было!» У этих тварей — все наоборот. Если они начинают хвостом размахивать, то жди беды. Кинутся на тебя, морду исполосуют и, очухаться не успеешь, как рванут куда-нибудь на дерево. Подлое племя.

И обнюхиваться к ним не лезь! Тоже по носу получишь. А если хочешь обнюхаться, то будь добр действовать осторожно, шумно не дыши, приветственно не ворчи... Короче, дикари!

Потом я снова переключился на маму. Я вдруг подумал, что в ее норе совсем не пахло едой! Соврала она, что ли, про Лохматую? Нет, наверняка я просто внимания не обратил. Без еды мама бы сто раз подохла. Нет, конечно, была там какая-то еда, я просто не обратил внимания... Точно, пахло! Потрохами какими-то... Или просто хлебом?.. В следующий раз обязательно

притащу ей что-нибудь. Что-то мягкое, легкое, чтобы она смогла растереть своими слабыми зубами. Или прямо сейчас сбегать? Пахло там едой или это я себя так успокаиваю?

Я так увлекся этими рассуждениями, что совершенно забыл о периметре. Очнулся только тогда, когда сообразил, что стою посреди совершенно незнакомого двора.

И не просто стою, а жадно втягиваю в ноздри какой-то странный, нерезкий, но необычный запах.

Очень приятный запах.

КОШКА

Я сидела на окошке и смотрела в небо.

Обида на Ольку постепенно уходила. Собственно, я не злопамятна, больше пары суток редко когда обижаюсь, а сегодня даже до вечера дуться неохота. Потому что вечер сегодня какой-то особенный. И небо такое... Такое, как будто все хорошее, что есть на свете, сегодня обволакивало меня со всех сторон. Было тихо, уютно, и не думалось ни о чем, просто сиделось и смотрелось на небо.

Этого пса я почувствовала сразу. И сразу удивилась тому, что он не испортил мне вечер.

Это меня настолько поразило, что я чуть было не повернула голову, чтоб посмотреть на него. В последний момент удержалась. Ведь если я на него посмотрю, то мне сразу придется уходить, презрительно фырча. А мне этого делать совсем не хочется.

Пес наивно полагал, что я смотрю вверх. Вообще, многие наивно полагают, что кошке нужны глаза, чтобы видеть. То есть глаза — это, конечно, хорошо, но это не основное. Глазами я вижу внешнюю оболочку, а это же

ничто, почти никакой информации. Взять, к примеру, Ольку. Внешне она одинаковая и утром, и днем, и больная, и здоровая. Ну посмотришь на нее глазами — ничего нового, ну накружилась, ну переделалась, но в целом-то Олька и Олька. А вот если глазами не смотреть, а взять и почувствовать ее, то сразу понятно, какая она сегодня: грустная, веселая, добрая, злая, болит у нее что-то или пить ей хочется, хорошо ей или плохо, а если плохо, то как плохо... Обиднее всего, что обычно я знаю, что ей нужно: в ванне полежать или чаю попить. Но поди ж объясни!

Кошки человеческим языком почти не владеют, то есть все понимают, а вот с воспроизведением полная беда. Правда, люди еще хуже, они и не понимают ни черта по-кошачьи, а если уж мяукать возьмутся, то хоть на край света беги — ни слуха, ни голоса, как у собаки.

Собаки...

Удивительный попался пес. Я чувствую его, и мне не противно. В нем нет агрессии, нет грубости, а есть... Даже не понимаю, что это... Нежность? Да быть этого не может! Он же собака, он не может быть нежным. Восхищение? Да чем он тут может восхищаться! Жратвы нет, а что еще, кроме еды, может восхищать дворового блохастого пса?

Я?

Нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда, но все же... Я же чувствую! А уж чувства меня никогда не подводили. Я ему нравлюсь... Я ему... Кошка собаке... «Офигеть!» — как сказала бы Олька.

Я так изумилась, что повернула голову и посмотрела на пса. Надо же, не все собаки полные уроды, этот ничего. Мне даже захотелось посмотреть на него поближе, возможно, даже...

Тут я одумалась и быстро сиганула внутрь комнаты. Наверное, это старческий маразм приближается. Или течка скоро.

ПЕС

Я принялся сильнее и впервые в жизни не поверил собственному носу.

Пахло кошкой!

Нет, сам по себе факт уникальным не являлся — этих тварей полно в каждом дворе. Так и шастают, так и норуют какую-нибудь подлость учинить.

Но чтобы кошачий запах показался мне приятным!

Повращался вокруг себя, поводил носом, сел и зажмурился для полноты ощущений.

Бред какой-то!

Пахло кошкой, но мне не хотелось чихнуть, выдувая эту мерзость из носа. Потому что никакая это не мерзость была, а... Вот представьте: немного запаха слегка подвяленной рыбы, немного запаха тепла, тонкий аромат шерсти — теплой и мягкой. И еще капелька человеческого запаха. Хорошего, молодого, смелого, заботливого... И пахло еще уверенностью в себе, ленивой силой, грустью какой-то уютной пахло...

Нет! Не перескажу я вам, чем пахла эта кошка! Там ведь не в составляющих запаха дело, а в том, как они переливались, не смешиваясь, как дышали, как наплывал и отступал этот аромат. Короче, поверьте на слово — ничего подобного до того случая мне в нос не попадало. Это точно. Я даже выдыхать забыл. Сидел кот знает сколько времени, держал в себе вдох и пошевелиться боялся. Потом понял — все, хватит. Запах запахом, а дышать тоже иногда чем-то нужно. Я резко выдохнул, вдохнул,

закашлялся и поднялся. Первая волна немного откатила, я даже соображать начал. Определил направление, присмотрелся...

Кошка сидела в открытом окне второго этажа и смотрела в небо.

Волк меня подери, она так смотрела в небо, что хотелось подпрыгнуть со всех четырех лап и зависнуть перед ее шикарными усами. Чтобы прижаться носом к ее носу и понять, вынюхать, как это ей удается — так смотреть на обычное, ничем не примечательное небо. Не было в том небе ни птичек, ни хотя бы каких-нибудь человеческих безделушек типа самолетов. Там, кажется, даже облаков не было. Хотя тут я могу и ошибаться. Глаза не нос, соврать могут.

Неважно, были там облака, не были. Все равно смотрела кошка так, как никто никогда никуда не смотрел. Как будто она уже все это видела и знала, что через минуту увидит. И как будто ничего интересного ей, конечно, уже не покажут, но смотрит чисто из жалости, хотя могла бы встать и уйти.

А потом мне расхотелось прыгать и зависать. Что за глупость — зависать? Мне вдруг стало ясно, что нужно броситься, всех победить, разорвать на части, принести к лапам моей красавицы, и бросить, и смотреть, как она медленно-медленно моргнет, а потом, может быть, поведет носом в мою сторону.

Потому что до сих пор она меня не замечала. Я был для нее все равно что булыжник или куст. Этого допустить я никак не мог.

Хорошо, что сдержался, не бросился побеждать, грызть и вообще не совершил никаких резких движений. Я вдруг вспомнил основу кошачьего языка, весь напрягся, пасть захлопнул и пошел к кошке. Шагов десять я сделал в ее направлении. И все думал: «Вот, кошак меня дерит, не помню — а с хвостом что делать? Махать нельзя, это точно... а можно что?» Я попытался нести хвост неподвижно. Это оказалось не-

возможно, хвост то и дело сам собой покачивался из стороны в сторону. Тогда я поджал его — это было унинительно и глупо. На девятом шаге я вспомнил — коты при встрече поднимают хвост трубой! Конечно, я сто раз сам видел: идут, морду вперед вытягивают, понюхают неоднократно, пока лапу поставят... а хвост торчит прямо вверх.

Я попытался. Громко и с чувством понюхал (какой запах, волк меня дерит, какой аромат!). Осторожно поставил лапу на землю. Изо всех сил попытался задрать хвост...

Не знаю, как это выглядело со стороны, но кошка насмешливо фыркнула, потянулась и ушла с подоконника в комнату.

Я снова сел и чуть было не заскулил. Она ушла в дом — и сразу стали неважны все эти драки, помойки, вожак и даже мама. Я посидел, пытаюсь запомнить запах. Понял, что невозможно это ни запомнить, ни вообразить, ни кому-нибудь пересказать.

Я встал и побрел на свою территорию.

Хвост безвольно болтался, хотя я его не пытался контролировать.

КОШКА

Запрыгнув в квартиру, я обнаружила там мамулю, которая пришла с работы и активно переключивала что-то из больших пакетов в холодильник. Настроение у нее было хорошим, и я немедленно подлезла к ней под руку — сейчас можно.

— А, Каська, Касеньш, привет, моя хорошая, кушать хочешь?

— Мррр...

Что за вопрос, кто ж откажется?

— А что ты хочешь, сосиску или рыбку?

Эти люди иногда такие тупые! Ну и как, она думает, я ей отвечу? Не, я отвечу, конечно...

— Мрвмя!

— Сосиску?

Ну, я ж говорю! Сама спрашивает и сама ж ничего не понимает! Сами жрите ваши сосиски, там, кроме бумаги, ничего съедобного нет. Повторяю:

— Мрвмя!

— Сейчас, маленькая, я тебе сосисочку почищу...

— Я не хо-чу со-сис-ку!

— Сейчас, сейчас...

И как я после этого с ними живу? Сама себе удивляюсь.

Мамуля у нас вообще хорошая. Замороженная немного, но в целом хорошая. Если Ольга про меня и забыть может, то мамуля — никогда. И из гостей придет пораньше — знает, что я не люблю одна сидеть, и рыбки свеженькой купит, и ночью подо мной не ворочается, как мельница. А то с этой Ольгой просто беда. Только устроишься уютненько — голову на одну ее ногу, лапки на другую, так ей тут же приспичит перевернуться. А мне опять просыпайся, устраивайся. Короче, с Ольгой спать просто мука.

А вот телевизор мне больше всего нравится с папулей смотреть. Он как вечером на диван ляжет, так пару часов и не встает. На его пузе можно вытянуться удобно, заодно и печень ему прогреть. Кто б сказал ему, что хватит уже жареную картошку сковородками трескать! Еще немного — и я не справлюсь, лекарства глотать придется.

Ольга и мамуля телевизор смотреть совершенно не умеют. Мамуля все норовит что-нибудь связать. То спицей мне в глаз чуть не заедет, то локтем спихнет — просто жизни нет, а еще и вечно недовольна, что я ей мешаю. Я бы поспорила — кто кому мешает! А Ольга — та все

время куда-то бежит. То к телефону, то за чаем, то за вареньем, то за другим телефоном! Только под бочок залезешь — вскочила, побежала. Просто метеор какой-то, а не кошка! Или не человек?

Вот мамуля с папулей точно человеки — это ясно. А Олька... С ней я так до конца и не определилась. По внешнему виду, конечно, больше на человека похожа, а внутри... Иногда в ней что-то такое родное проскакивает, что я даже замороженную рыбу из ее рук соглашаюсь есть.

ПЕС

Чем дальше я убегал от чужого двора, тем легче становилось на сердце.

Наверное, потому, что запах выветривался. Ну кошка, ну смотрела куда-то... Чего меня развезло? Кошек я, что ли, не нюхал? Постепенно мой нос вбирал в себя привычные запахи улицы, и я становился обычным дворовым псом Носом. Нет, не обычным! Я, между прочим, сегодня выгрыз себе право быть правым заплечным!

Это воспоминание снова сделало меня энергичным и бодрым. От полноты чувств я облаял большую седую крысу, которая шла по своим делам в тени дома. Крыса очень удивилась, остановилась, пошевелила усами, да так и стояла, пока я, полаивая, бежал мимо.

Когда я вернулся на место лежки, стая уже проснулась. Я принялся... и беззаботность сразу ухнула куда-то вниз, а на ее месте осталась только настороженность.

Прямо перед Вожаком стоял чужой. Он был большой, домашний, еще пах людьми и квартирой. И он стоял напротив Вожака, возвышаясь над ним, как сука над новорожденным щенком.

Очень мне это не понравилось. Хотя сварой не пахло — чужой казался вполне миролюбивым и вовсю мотал своим обрезанным хвостом.

Я неслышно подошел с подветренной стороны и прислушался. Кажется, этот тип просился в стаю.

— Да надоело, — весело говорил он, — сижу, как гвоздь, на одном месте. Гулять выводят на пять минут. Жрать заставляют всякую дрянь консервированную...

«Ни кота себе дрянь!» — подумал я и сглотнул слюну. Однажды я вылизал банку из-под собачьих консервов. Это было что-то!

— Короче, свободы хочу! — гордо закончил верзила.

— Уходи, — сказал Вожак, — у нас нет свободы. Мы стая.

— Ну... Стая ведь свободная!

— Стая свободная. А каждый пес в ней — нет. Каждый, даже я, подчиняется стае. А ты, кроме всего прочего, будешь подчиняться мне и старшим.

Чужой сел и небрежно стал чесать задней лапой за ухом.

— Тебе — ладно. А на старших еще посмотреть надо.

Это было уже слишком. Я негромко, но выразительно взрыкнул. Чужак попытался вскочить на четыре лапы. Получилось смешно — вскочить-то он вскочил, но левую заднюю из-за уха достать забыл. Так и покатился кубарем. Стая захихикала.

— Не надо смотреть, — назидательно сказал я, — надо нюхать. И сидеть так, чтобы с подветренной стороны к тебе никто не подобрался.

Он наконец распутался, осмотрелся и тоже рассмеялся. «Молодец, — подумал я, — не полез в бутылку».

— Ладно, — сказал он, — убедили. Буду слушаться. А кого слушать? Тебя, тебя... еще кого?

— Сначала — всех, — отрезал Вожак. — Только ведь мы еще не решили, брать тебя или нет.